

Д.О.Тимошкин

МИФОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: СОЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КРИМИНАЛЬНОМ РОМАНЕ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДАРЬИ ДОНЦОВОЙ

Вся моя жизнь представляет собой дорогу к вершинам банальности.

Сергей Довлатов

Ключевые слова: российский криминальный роман, социальный стереотип, массовые настроения, Дарья Донцова

Социальные стереотипы и социальные мифы как отдельный и самостоятельный предмет изучения уже достаточно давно получили «права гражданства» в российской политологии¹, перекочевав туда из социологических и социально-психологических исследований².

¹ Шестопал 1995.

² См., напр. Липпман 2004.

В ходе этих исследований было обнаружено, что стереотипы выполняют несколько крайне важных функций. Во-первых, они позволяют «экономить усилия», то есть не оценивать каждый раз партнера по коммуникации как уникального социального субъекта, но переносить на него некую устойчивую (типическую) оценку, выработанную по отношению к группе. Особенно отчетливо это проявляется при оценке «других» — представителей иного этноса, иной культуры. В данном случае стереотипы «своей» культуры становятся определяющими и в значительной степени детерминируют сам ход коммуникации. При наиболее наивной форме этноцентризма «индивид некритично принимает ценности собственной культуры и автоматически использует их для суждений о менее знакомых объектах и событиях... На более зрелой стадии этноцентрическая установка принимает во внимание и прочие точки зрения, но при этом рассматривает нормы других культур как неправильные, низшие или аморальные»³.

³ Le Vine, Campbell 1972: 1. Цит. по: Шестопал 2002.

Из приведенной цитаты, собственно, и следует «во-вторых». Социальные стереотипы содержат в себе ценностное суждение, предполагающее не только определенное отношение, но и определенные действия применительно к объекту соответствующего стереотипа. А поскольку социальные стереотипы суть групповое явление, то именно они

и оказываются важнейшим фактором, задающим направление коллективных действий. Здесь-то и перебрасывается «мостик» между социально-психологическими работами *per se* и политическими исследованиями. Социальные стереотипы начинают рассматриваться в качестве фактора, детерминирующего политическое поведение различных социальных групп, и средства манипуляции массами⁴. Сам же социальный (точнее, уже политический) стереотип трактуется как устойчивое коллективное представление, которое дано индивиду на доопытном уровне⁵.

⁴ См. Кассирер 1990.

⁵ Кассирер 1998: 532.

При подобной трактовке социальный стереотип сближается с политическим мифом, о значимости которого в «век толп» писал Серж Московичи⁶. Однако между ними имеются и различия, касающиеся, впрочем, не столько структуры данного феномена, сколько его содержательной части. Как и социальный стереотип, политический миф воспринимается в качестве истины просто в силу принадлежности его носителя к социальной группе, где этот миф (стереотип) утвердился. Но если социальные стереотипы служат механизмами ориентации в социальном мире, средствами конструирования его онтологии, то политические структурируют экзистенциальную оппозицию «друга» и «врага», *т.е.* систему потенциальных угроз самому существованию этой онтологии⁷.

⁶ См. Московичи 1996.

⁷ Мейер 2012: 23.

Как показывает Карл Шмитт, под этим углом зрения может быть осмысленно чуть ли не любое различие⁸. Статус «экзистенциального врага» может быть присвоен практически всякому «другому». А реализуется ли эта возможность, во многом зависит от того, как и в какой мере артикулировано различие «своего» и «другого». Иными словами, крайне важную роль здесь играют артикуляторы стереотипа, существующего в виде неявного, потенциального знания. Ведь только будучи определенным образом осмысленным с последующей артикуляцией такого осмысления, «другой» может стать источником экзистенциального страха, стать «врагом». В свою очередь, полное отсутствие «онтологических врагов», согласно тому же Шмитту (в интерпретации Александра Филиппова⁹), означает отсутствие того, чему можно угрожать, отсутствие «своего мира» и самостоятельного политического субъекта.

⁸ Шмитт 2000: 147.

⁹ Филиппов 2008: 34.

Среди артикуляторов социальных стереотипов наших дней немаловажное место занимает массовая литература, и прежде всего детективный роман. На примере произведений одного из столпов отечественной массовой литературы — Дарьи Донцовой — мы и попробуем продемонстрировать, как изменяются и артикулируются эти стереотипы.

¹⁰ Ранчин 2004: 260.

Криминальный роман как зеркало российской повседневности

Массовая литература по природе своей ориентирована на то, чтобы быть интересной людям самых разных образовательных и социальных статусов вне зависимости от их взглядов и установок¹⁰. Любое отклонение в сторону чьих-то эстетических или иных предпочтений неизбежно сужает аудиторию. В этом смысле массовая литература может

рассматриваться как своеобразное собрание существующих в обществе стереотипов, формой их кодификации и трансляции. Растворенные «в воздухе» социальные стереотипы обретают в произведениях массовой литературы плоть и кровь. На это свойство массовой литературы обращал внимание, в частности, Юрий Лотман¹¹.

¹¹ См. Лотман 1997.

Но даже на этом фоне современный российский детектив занимает совершенно особое место, что во многом объясняется спецификой читательских ожиданий, сформировавшихся в 70—80-е годы XX в.

Рост популярности отечественного криминального романа связан с заметным ослаблением в СССР 1980-х годов идеологического прессинга, что привело к возникновению мировоззренческого вакуума, который стал постепенно заполняться новой мифологией, определенным образом интерпретирующей свежие политические и социальные тенденции. Именно тогда вдруг появившиеся в большом количестве отечественные детективы начали успешно конкурировать с произведениями западных мастеров этого жанра.

1980-е годы стали для авторов российского криминального романа временем поиска как целевой аудитории, так и наиболее актуальных и коммерчески успешных форм. Растущий спрос на такого рода литературу, сначала зарубежную, а затем и отечественную, был обусловлен тем, что в ней получали отражение многие прежде табуированные сферы жизни. Наличию своеобразного «сенсорного голода» в отношении подобных сфер в немалой степени был обязан своей популярностью среди советских читателей зарубежный детектив, из которого черпали информацию о «запретном Западе» (при этом Запад сам осмыслялся как миф)¹². По сути дела детектив выполнял тогда функцию путеводителя, более характерную для бытового романа. По детективам граждане страны конструировали для себя скрытый от них, но притягательный мир.

¹² Зоркая 1996: 65—77.

С распадом СССР и падением «железного занавеса», когда Запад стал доступен для значительной части россиян, потребность в бытовом путеводителе по нему резко сократилась — а вместе с ней и популярность зарубежного детектива. Но отношение к детективу как к путеводителю сохранилось. При этом в роли неизвестного мира все больше предстала собственная страна, где все вдруг кардинально изменилось. Кризис политической идентичности в новой России¹³ предопределил и содержание нового российского детектива.

¹³ Подробнее см. Малинова 2007: 60—65.

В 1990-е годы пространство детектива заполнили образы честных и продажных «ментов», российских Рэмбо и грозной мафии, в конце периода получившей предикат «чеченская»¹⁴.

¹⁴ Разин б.г.

Несчастные и довольно размытые «мы» в этих романах противостояли бессчетному числу вполне определенных демонических «они». Из бытового путеводителя детектив 1990-х превратился в путеводитель по комнате ужасов с крайне редким и не типичным happy end. Собственно, счастливый конец был возможен только при условии, если сам герой предстал еще более страшным, чем продажные политики и

«менты» в союзе с чеченской мафией. Русский детектив все больше сближался со своим древним прародителем — черным романом.

Но в начале «нулевых» годов общественные настроения меняются, и параллельно с ними меняется и детектив. В детективах 2000-х «нас» становится заметно больше. «Мы» оказываемся лучше структурированными и более понятными. Соответственно, «они» теряют свою фатальную и необоримую власть над «нами». И если у Бориса Акунина это изменение и сиюминутная, видимая реальность разводятся во времени (герой действует в прошлом столетии), то у Донцовой социальные стереотипы и их носители живут и действуют сегодня. Пожалуй, именно в ее произведениях они выражены наиболее полно, будучи погружены в узнаваемую бытовую среду, которая задается постоянным и нарочитым упоминанием известных брендов, а также отсылками к актуальным для читателей новостям из печатных или электронных СМИ¹⁵.

¹⁵ Левинсон б.г.

Тексты Донцовой сохраняют роль путеводителей по современности. Но современность эта и привычная, и иная. Она гораздо больше соотносится с реальностью рекламных роликов¹⁶ о состоятельных домохозяйках, офисных клерках, изнывающих от обилия компьютеров, и т.д. Это притягательная после «страшных 1990-х» реальность гламура. В то же время в гламур погружены четко выраженные приметы времени, позволяющие читателю узнать себя — и своих «других», своих «врагов», которые в этом гламурном мире тоже уже не выглядят настолько страшными, как раньше. Собственно, этим, по-видимому, и определяется популярность романов Донцовой и иных произведений данного жанра.

¹⁶ Данилин б.г.

Успехи индустрии криминального романа хорошо прослеживаются по рейтингу самых тиражных авторов российского книжного рынка, публикуемому Книжной палатой РФ. На протяжении последних лет все или почти все 10 первых позиций в этом рейтинге занимают авторы криминального романа. Для примера можно привести данные рейтинга за 2008 г.: первое место — Донцова (8991,5 тыс. экземпляров), второе — Татьяна Устинова (3163 тыс.), третье — Юлия Шилова (2896 тыс.), четвертое — Александра Маринина (2837 тыс.), пятое — Татьяна Полякова (2190 тыс.), шестое — Акунин (1488 тыс.), седьмое — Александр Бушков (1374 тыс.), восьмое — Владимир Кольчев (1283 тыс.), девятое — Анна и Сергей Литвиновы (974 тыс.), десятое — Мария Семенова (972 тыс.)¹⁷.

¹⁷ Григорьев (ред.) 2011.

Вот уже как минимум шесть лет Донцова является наиболее успешным представителем цеха сочинителей криминальных романов. В 2011 г. суммарный тираж ее книг достиг 150 млн. экземпляров¹⁸. Несмотря на наметившуюся в 2011—2012 гг. тенденцию к сокращению тиражей (связанную, скорее всего, с переходом части целевой аудитории писательницы в Сеть) при росте количества наименований книг, она по сей день остается самым печатаемым автором России. Ее романы легли в основу нескольких телесериалов, демонстрировавшихся по центральным телеканалам страны. В 2006—2010 гг. по результатам опросов ВЦИОМ Донцова признавалась «писателем года»; неоднократно попадала она и в списки «людей года» — тех, кого россияне считают элитой¹⁹.

¹⁸ Там же.

¹⁹ wciom.ru/index.php.

В качестве источников нами использовались 12 произведений писательницы из трех экранизированных циклов («Даша Васильева. Любительница частного сыска», «Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант» и «Виола Тараканова. В мире преступных страстей»). Эти циклы, вне сомнения, предназначены для разных целевых аудиторий: главные героини в них относятся к совершенно разным социальным слоям и существенно различаются по уровню доходов (начиная практически с черты бедности и заканчивая принадлежностью к обитателям «новорусских» коттеджных поселков). Очевидно, что книги написаны с расчетом на разные социальные группы — от этого зависит количество просторечий, сложность виртуальных вставок в контекст повседневности (где-то реклама скрыта чуть лучше, где-то чуть хуже), степень вульгарности и примитивности юмора. Тем не менее во всех случаях бросается в глаза универсальность представленных в них социальных стереотипов.

Наиболее отчетливые и часто встречающиеся образы, выделенные из сюжетных переплетений этих книг, были условно объединены в две группы — «мы» и «они». Для исследования было выбрано несколько оппозиций, задающих ключевые для героев Донцовой различия в социальном мире: «москвичи» vs. «провинциалы», «богатые» vs. «бедные», «наши» vs. «чужие». Именно в рамках этих противопоставлений и очерчивается круг тех, кто составляет в глазах писательницы «нормальных людей», позволяя идентифицировать то самое «мы», к которому она апеллирует.

«Наши»: москвичи и провинциалы, богатые и бедные

Виртуальные образы, вставленные в контекст описываемой автором повседневности, зачастую имеют противоположные коннотации на страницах одной и той же книги. В произведениях Донцовой можно встретить одновременно положительные и отрицательные образы той же самой социальной или гендерной группы, что позволяет «приподнять» ее в одной главе и «опустить» — в следующей²⁰. При этом создается впечатление непредвзятости автора, не отдающего конечного предпочтения никакой из групп. Однако количественное сравнение встречающихся по ходу действия негативных и позитивных образов, касающихся некоторых групп, нередко вызывает подозрение, что приводимые (немногочисленные) положительные примеры — не более чем исключения, подтверждающие правило.

Весьма показательно в этом плане крайне резкое противопоставление «Москвы» и «провинции». В романах Донцовой оно артикулируется через фиксацию огромной разницы в уровне достатка, образования и культуры жителей столицы и провинциалов, выражается в монологах персонажей-москвичей, сетующих на понаехавшее «быдло», и персонажей-провинциалов, ненавидящих разжиревшую, бездушную столицу²¹. Образы адекватных, непьющих и вежливых провинциалов в явном меньшинстве по сравнению с образами «положительных» москвичей. Данное противопоставление позволяет выделить один из наиболее оче-

²⁰ См., напр. Донцова 2006а, 2010а.

²¹ Донцова 2003а, 2010б.

видных стереотипов: Россия состоит из двух частей — «Москвы» и «провинции». Это, по сути, две разные страны, неприязненно относящиеся друг к другу и населенные совершенно разными людьми. Провинциалы даже говорят на ином, «немосковском», языке, используя нарочитые просторечия и коверкая слова.

Еще одно очевидное противопоставление — «богатых» и «бедных». Богатые — бесчувственные и беспринципные дельцы, бесящиеся с жиру, но при этом образованные и с хорошим вкусом. В свою очередь, бедные вульгарны, невежественны, злоупотребляют алкоголем. Однако, поскольку именно они и есть народ, — порядочны и терпеливы²².

²² Донцова 2000, 2003а.

Пропасть, разделяющая меньшинство богатых персонажей и их бедных сограждан, так же труднопреодолима, как и граница между «Москвой» и «провинцией». Большинство живет в тотальной нищете, в то время как богачи тратят миллионы на одежду, автомобили, причудливые до уродства развлечения.

Бедные персонажи, особенно жители провинции, — необразованные, грубые, несчастные люди. Они практически не имеют — в силу «обстоятельств» — возможности продвинуться по социальной лестнице. Обстоятельства эти зачастую определяют действия персонажей, их нищету либо богатство, ставя «наших» в бесконечный страдательный залог: в России бедность и обеспеченность, жизнь и смерть — дело скорее случая, нежели личного выбора, и лишь редкие отчаянные авантюристы нарушают порядок вещей осознанным целенаправленным действием. Богатые богаты потому, что «наворовали», бедные бедны потому, что «судьба оказалась сильнее»²³. Герои Донцовой верят, что деньги и связи решают все, при их отсутствии у человека практически нет шансов повлиять на собственную судьбу. По существу, герой полностью зависит от того, оказался ли он в нужное время в нужном месте или нет.

²³ Донцова 2000, 2003б.

Пристрастие «наших», особенно бедных, к алкоголю красной нитью проходит через большинство книг писательницы. По ходу сюжета главные герои постоянно сталкиваются с пьющими — пенсионерами, рабочими и студентами, женщинами и мужчинами²⁴. Алкоголизм относится к числу наиболее отчетливо просматриваемых в романах Донцовой отечественных автостереотипов — в России пьют все, за редким, если речь идет о «Москве», и очень редким, когда речь идет о «провинции», исключением.

²⁴ См., напр. Донцова 2003в.

Большей части персонажей Донцовой, вне зависимости от того, к какой из перечисленных выше групп они принадлежат, присущи такие черты, как грубость, недоверие и неуважение, причем не только к незнакомым или малознакомым людям, но и к близким — друзьям и родственникам²⁵. Сцены насилия в семье, различных внутрисемейных дразг встречаются постоянно, в окружении как главных, так и второстепенных персонажей. Автор создает картину тотального социального неблагополучия в России — падения нравов, разрушения института брака, повсеместного хамства, подозрительности по отношению друг к другу. Вместе с тем необходимо отметить, что если оппозиция «москвичи —

²⁵ Донцова 2001, 2009.

провинциалы» достаточно устойчива, то образ неблагополучной России претерпел определенные изменения. В первых романах (примерно до 2003 г.) он выдерживался довольно последовательно, при том что главная героиня (Даша Васильева) жила в совершенно иных условиях. Позднее неустроенность остается в «провинции», в «Москве» же ее становится ощутимо меньше. Вполне успешны и сами героини, хотя, в отличие от «любительницы частного сыска», они не принадлежат уже к привилегированному кругу. В этот относительно благополучный мир и приходят извне «другие» — опасные, если посягают на него, и несчастные, если существуют параллельно.

Столь же показательную эволюцию претерпевает образ власти. В первых романах серии о Даше Васильевой этот образ мало чем отличается от того, что мы видели в криминальных романах 1990-х годов. Герои с недоверием и страхом, смешанным с презрением, относятся к власти, закону и его служителям, предпочитая решать возникающие затруднения с помощью связей или подношений либо просто пассивно наблюдая за происходящим. Создается впечатление — законы в России не действуют, правят бал лишь сила и деньги.

В ранних романах Донцовой реальную власть олицетворяют даже не столько официальные лица (коррупцированные государственные чиновники и милиционеры-взяточники), сколько крупные бизнесмены, а по сути — полукриминальные авторитеты, превратившиеся в одну из правящих элит и признающие только право сильного. Вместе с тем упомянутыми качествами наделяются и некоторые второстепенные персонажи, представляющие официальную власть²⁶. В возникающей в результате картине мира власть в России предстает в качестве замкнутой группы совершенно недостижимых для закона полубандитов, не считающихся ни с чем и ни с кем и готовых на все ради достижения собственных интересов. В более поздних произведениях тональность несколько меняется. Хотя власть по-прежнему не вызывает симпатий, среди ее носителей, особенно среди сотрудников ФСБ, появляются «хорошие люди», которые разоблачают коррупционеров и олигархов и к которым можно обращаться за правдой²⁷. Власть перестает быть однозначно плохой.

Но даже положительные персонажи во власти или в провинции относятся к внешнему окружению. Они — «другие». «Мы» же в основном сосредоточено в образе главной героини. Главная героиня, коренная москвичка, отличается патологической доверчивостью. Она не пьет, не курит, не употребляет наркотики, старается по мере возможности протянуть руку помощи нуждающимся и часто страдает из-за собственной доброты. Она не бедна, но состояние свое приобрела не воровством. Она «простой русский человек», не любящий заумных книг, не националист, но с подозрением относится к «гостям с Кавказа», которые в подавляющем большинстве случаев представлены в неприглядном свете.

Тема «чужих», довольно размытая в первых романах, по мере продвижения к 2010-м годам и далее звучит все отчетливее. Не являясь цен-

²⁶ См., напр. Донцова 2003в.

²⁷ Донцова 2008а.

тральной ни в одном из романов, она в той или иной форме присутствует в каждом из них, задавая гораздо более жесткое противопоставление. Если в рассмотренных выше оппозициях («москвичи — провинциалы», «богатые — бедные», «власть — простые граждане») речь идет о противоречиях между «своими», то здесь мы сталкиваемся с противостоянием «своих» и тех, кто заведомо не входит в их число.

**«Мы»
и все остальные**

Среди разнообразных «чужих», населяющих романы Донцовой, чаще всего упоминаются выходцы из кавказских республик, причем образам их придаются резко негативные черты. На втором месте по частоте упоминаний жители Восточной Европы — латыши и украинцы. На третьем — представители западного мира (французы и американцы). В единичных случаях встречаются китайцы и негры.

Удостоившиеся особого внимания писательницы «гости с Кавказа» упоминаются вскользь, как правило, без уточнения их этнической принадлежности. Единственная этническая группа, выделяемая Донцовой из крайне аморфной массы кавказцев, — это чеченцы, в подавляющем большинстве случаев присутствующие в книгах писательницы в паре со словами «террористы», «взрыв» и т.п. Любое банальное, но непредвиденное происшествие тут же порождает у героини панические мысли о теракте, совершенном чеченцами:

«В вагоне тускнел свет, и машинист объявлял:

— Граждане пассажиры, по техническим причинам движение поезда временно затруднено.

Не знаю, как у других пассажиров, а у меня мгновенно екало сердце и перед глазами возникали ужасающие картины: в тоннеле пожар, кто-то взорвал бомбу, чеченские террористы пустили через систему вентиляции газ...»²⁸

²⁸ Донцова 2003а.

Весьма интересное и красноречивое обобщение представлено в одной из ранних книг Донцовой. Случайно оказавшись в общежитии для беженцев из Чечни и услышав, как один из его обитателей выражает недовольство отсутствием элементарных удобств, героиня «первый раз в жизни» испытала «шовинистические чувства» и с трудом справилась с «приступом расизма»: «Видали, еще и не доволен! Думал, в Москве сразу получит пятикомнатные хоромы. Между прочим, сотни коренных москвичей до сих пор живут в подобных общагах без всякой надежды на улучшение условий»²⁹. Иными словами, те самые грубые и вульгарные «нищие» — алкоголики, бичи и иные «пропащие люди», — на которых автор выплеснула столько презрения на страницах своих книг, просто в силу своей принадлежности к коренным москвичам оказываются в глазах героини гораздо выше по статусу «еще и недовольных» чеченских беженцев.

²⁹ Донцова 2000: 79.

Не самое приятное впечатление на читателя производят и другие «гости с Кавказа», описанные в массе, без упоминания конкретной этнической принадлежности. Довольно примечателен в данном отноше-

³⁰ Донцова 2003а:
134.

нии следующий пассаж: «Возле метро, пристроившись за железным вагончиком, в котором быстроглазое и белозубое лицо кавказской национальности грязными руками ловко заворачивало в лепешку куски подозрительного мяса...»³⁰. Возникающий в результате обобщенный образ группы, лишенный каких-либо личностных черт, обладает четко выраженной эмоциональной окраской, порождая отторжение по отношению к кавказцам как таковым.

Но в какой бы ипостаси ни выступали кавказцы на страницах романов Донцовой — неприятных жуликоватых существ, свирепых террористов или неблагодарных беженцев, — в любом случае они неполноценны по сравнению с «коренной москвичкой», «русской», «православной», считающей подобное отношение к абстрактной этнической группе «восточных людей» в порядке вещей. «Лица кавказской национальности», пожалуй, единственная составляющая этнического окружения виртуальной России, вызывающая столь однозначные негативные коннотации. Это уже не просто «чужие», но «враги».

³¹ Донцова 2008а.

С некоторой натяжкой к «врагам» России, по Донцовой, можно отнести латышей, которым приписывается «опьянение духом демократии» и неизменное желание отомстить русским за долгие годы «коммунистической оккупации», выраженное в «методичном выживании русских из республики»³¹.

Запад, в виде Франции и США, представлен скорее нейтрально. Вместе с тем Донцова постоянно делает акцент на трудностях взаимопонимания между простыми, открытыми русскими и хитрыми, прагматичными, умеющими считать деньги, но при этом изнеженными, туповатыми, а порой и невежественными иностранцами:

«„Уважаемый господин Достоевский“, — начиналось одно из посланий.

Я удивилась и продолжила чтение.

„Пишет вам Джон Смит из Америки. Я большой любитель детективов, а недавно с удивлением узнал, что в России тоже имеются компьютеры. Сначала я хотел направить свое письмо по поводу вашего творчества на ваш личный электронный адрес, но мне не удалось его раздобыть, поэтому направляю его в издательство, которое выпускает вас в России, надеюсь, редакторы передадут его вам...“»³²

³² Донцова 2008б:
93.

Если Америка в восприятии героинь Донцовой — страна долларов, ковбоев и кретинов, то Франция выглядит страной духов, диет, кондитерских, модной одежды и состоятельной русской эмиграции. В ходе чтения книг Донцовой, особенно из серии «Любительница частного сыска», главная героиня которых имеет двойное франко-русское гражданство, становится ясно, что именно перечисленные выше понятия и определяют для автора образ родины гильотины и Декларации прав человека и гражданина. Франция предстает в романах землей обетованной, богатой и гостеприимной, ведь русская женщина просто не может не любить страну, индустрия моды которой является воплощением ее мечты и чуть ли не смысла жизни. Среди всех этнических

³³ Донцова 2006б.

групп, упоминаемых писательницей, французы представлены, пожалуй, в наиболее положительном ракурсе. Французские мужчины — идеальны все без исключения, даже несмотря на свойственную всем «западным» людям прижимистость и чрезмерную практичность³³.

При всей устойчивости стереотипов «кавказцев», «новых» и «старых европейцев», «тупых американцев», образы «чужих» у Донцовой тоже претерпели определенные изменения. В ранних ее произведениях можно найти практически полный перечень «врагов» 1990-х годов, главными из которых выступают «чеченские террористы» и «мафиози». В них же содержатся наиболее восторженные отзывы о «стране от кутюр».

В более поздних романах ситуация меняется. Страшные чеченцы отступают на второй план, растворяются в тексте. Остаются неприятные, жалкие и наглые «восточные люди». Их присутствие ощущается в большей части романов, причем это ощущение нарастает. Ведь именно их вторжение может разрушить «наш» уютный и уже вполне отстроенный мир. Во второй половине «нулевых» появляются и другие «плохие» — латыши и американцы. Но это нестрашные враги. В книгах писательницы они скорее смешны или даже откровенно нелепы — вроде автора процитированного выше письма к Достоевскому.

Заключение

Итак, социальные стереотипы, присутствующие в романах Донцовой (во всяком случае, те, что были выбраны нами для анализа), претерпевают сложную эволюцию. Изначально они очень похожи на стереотипы криминальных романов «страшных 1990-х». В них выстраивается неуютный, распадающийся мир, которому со всех сторон угрожают разные, но одинаково опасные «враги». Правда, сама главная героиня выделена из этого мира, что, собственно, и придает романам оттенок легкости, избавляя от излишней «чернухи» 1990-х годов.

Постепенно, однако, «наш мир» благоустраивается. Несмотря на то что он охватывает лишь коренных москвичей и немногих провинциалов, он есть. Это уже не отдельно стоящий дом Даши Васильевой в элитном поселке за МКАДом, но достаточно обширное, приспособленное для жизни пространство. Более того, само это пространство («наш мир») все активнее превращается в мир гламурный. Соответственно, гламурными (или антигламурными) становятся и его враги. Их политический (по Шмитту) статус снижается. В мире гламура для «врага» места просто не оказывается. Деполитизация, стремительно набирающая обороты в официальном дискурсе, еще стремительнее протекает в дискурсе Донцовой. То, что ее романы остаются крайне популярными и сегодня, заставляет видеть в этом не перипетии творчества конкретного автора, но некую значимую тенденцию в общественном сознании, для которого события на Болотной не более чем легкая зыбь на прекрасном и гламурном теле «нашего мира».

Библиография

- Григорьев В.В. (ред.) 2011. *Книжный рынок России: Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад.* — М.
- Данилин П. *Гламурный фашизм* (http://fictionbook.ru/author/pavel_danilin/glamurniyi_fashizm/).
- Донцова Д. 2000. *Покер с акулой.* — М.
- Донцова Д. 2001. *Сволочь ненаглядная.* — М.
- Донцова Д. 2003а. *Филе из золотого петушка.* — М.
- Донцова Д. 2003б. *Но-шпа на троих.* — М.
- Донцова Д. 2003в. *Камасутра для Микки-Мауса.* — М.
- Донцова Д. 2006а. *Фокус-покус от Василисы ужасной.* — М.
- Донцова Д. 2006б. *Кекс в большом городе.* — М.
- Донцова Д. 2008а. *Фиговый листочек от кутюр.* — М.
- Донцова Д. 2008б. *Муха в самолете.* — М.
- Донцова Д. 2009. *Черт из табакерки.* — М.
- Донцова Д. 2010а. *Принцесса на Кириешках.* — М.
- Донцова Д. 2010б. *Бенефис мартовской кошки.* — М.
- Зоркая Н.Б. 1996. Проблема изучения детектива: опыт немецкого литературоведения // *НЛО.* № 22.
- Кассирер Э. 1990. *Техника современных политических мифов.* — М.
- Кассирер Э. 1998. *Избранное. Опыт о человеке.* — М.
- Левинсон А. *Заметки по социологии антропологии рекламы... и литература* (magazines.russ.ru/nlo/1997/22/levinson.html).
- Липпман У. 2004. *Общественное мнение.* — М.
- Лотман Ю.М. 1997. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю.М. *О русской литературе.* — СПб.
- Майер Х. 2012. *Карл Шмитт, Лео Штраус и Понятие политического: О диалоге отсутствующих.* — М.
- Малинова О.Ю. 2007. Конструирование идентичности: возможности и ограничения // *Pro et contra.* № 3 (37).
- Московичи С. 1996. *Век толп.* — М.
- Разин М.В. *Очерки советской и российской детективной литературы XX века* (http://www.libma.ru/literaturovedenie/v_labirintah_detektiva/p1.php).
- Ранчин А. 2004. Романы Б.Акунина и классическая традиция: повествование в четырех главах с предупреждением, лирическим отступлением и эпилогом // *НЛО.* № 67.
- Филиппов А.Ф. 2008. К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта // Шмитт К. *Номос земли.* — СПб.
- Шестопал Е. 1995. Образ власти в России: желания и реальность (Политико-психологический анализ) // *Полис.* № 4.
- Шестопал Е.Б. 2002. *Политическая психология.* — М. (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Shestop/04.php).
- Шмитт К. 2000. *Политическая теология.* — М.
- Le Vine R.A., Campbell D.T. 1972. *Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes and Group Behavior.* — N.Y.